

В. А. Меркулова

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ. III

закопыриться

Следы древнего индоевропейского названия огня **reūdōr-*, *r̥ygr-* сохранились в русском языке в двух лексемах, это тверское название загнетки в русской печи — *пýрей* и название золы от соломы и торфа — *пуринь* в рязанских, тульских, пензенских, воронежских и саратовских говорах.

Пýрей, -я, м. 'место в печи, куда загребают угли': Что-то угарно, должно быть в *пýреи* что попало; *Пýрей* — это и пазуха и жаровник. Говорят: в *пýреи* пихни, стушится быстрей (Калинин. словарь, 214). Слово отмечено в говорах Ржевского, Старицкого, Завидовского и Погорельского районов. *Пýрей* м. твер. 'порск, жароток в русской печи, загнетка' (Даль³ III, 1437).

Пуринь 'зола, выбрасываемая из печей, топимых соломою' (пенз., сарат. — Опыт, 184); *пуринь* 'сажа из трубы' (тульск. — РФВ LIX, 1908, 307); *пуринь* 'пепел' (сарат. — РФВ LXVI, 1911, 206); *пуринь* 'зола от торфа из печей' (ряз. — РФВ XXVIII, 1892, 62); *пуринь* тамб. пенз. 'соломенная зола; соломенные головки, которые носятся по ветру ключьями на пожарах' (Даль³ III, 1414). По-видимому, изменением слова *пуринь* может считаться лексема *пурина* в выражении *жечь пурину* — название обычая, который имеет целью греть ноги покойников (воронеж. — ЖСт., 18, 1, 121).

Описанные выше лексемы восходят к праслав. **rughvъjь*, **rughupi*. С огласовкой *-i-* в славянских языках выступает еще лишь сербохорватский глагол *пúрити* 'обжаривать, поджаривать'.

И в южнославянских и в западнославянских языках широко представлен глагол **pyriti* с различными приставками, чаще всего с приставкой *za-*. Ср. словен. *zapíriti se* 'покраснеть', чеш. *pyřiti* 'краснеть', словац. *pyrít'sa* 'краснеть', польск. *zaperzyć się* то же, в.-луж. *pyrić* 'топить, разводить огонь', н.-луж. *pyriš* то же, с.-хорв. *spíriti* 'раздувать (огонь)', *upíriti* то же.

В русском языке праславянский глагол **pyriti* до сих пор не был отмечен. А между тем в «Северных плачах», собранных Е. Барсовым, записан глагол *закопырилось* 'загорелось' (череп. — Барсов II, 321). Примера нет. Этот глагол содержит две приставки: *za-* и экспрессивную приставку *ko-*. Если в большинстве славянских языков глагол **pyriti* выступает в переносном значении 'краснеть', то русский глагол сохраняет исходное значение 'гореть'. Таким образом, в связанный форме сохраняется древнее праславянское образование.

Второй лексемой, относящейся к тому же этимологическому гнезду, является тверское наречие *упýрко* 'жарко' (Калинин. Словарь 270). Это наречие предполагает обязательное существование производящих прилагательных ***упýркий* и ***пýркий* 'жаркий'. Прилагательное *пýркий* (по типу *жар* — *жаркий*) образовано, в свою оче-

редь, от несохранившегося в русском языке имени **rugъ или *rugъ ‘раскаленные угли, жар’. Ср. чеш. *ryř* ‘горячий пепел’, словац. *rýr*, *pyrina*, польск. *perz* ‘горячий пепел’. Праславянское слово *rugъ м. (Machek², 502, *Słownik prasłowiański* II, 19).

Таким образом, два приставочных образования сохраняют две архаичных лексемы, это несомненные следы того, что когда-то данное этимологическое гнездо было представлено в русском языке значительно шире.

трелюдиться

На территории ярославско-костромских, владимирских и вятских говоров существует глагол *трелюдиться* ‘мучить, издеваться’. *Трелюдиться* ‘ломаться, самодурствовать, издеваться над кем-нибудь’ (Мельниченко 201); *затрелюдиться* ‘замучить кого-либо несновательными или неисполнимыми требованиями, придираками’: Пьяный придет, зътрелюдицъ над бабъй-ть (Мордовск. словарь, 2, 97). В вятских говорах записан, по-видимому, искаженный вариант *трелюбиться* ‘высказывать власть, силу’ (Опыт, 232). Производный глагол *трелюдничать* значит ‘причудничать; сплетничать’ (костром. — Опыт, 232); *трелюдничать* ‘капризничать’ (влад. — Бычков, XLIII). Глагол предполагает следующую последовательность несохранившихся форм: **трелюд (*трелюда*) → **трелюдный → **трелюдник → *трелюдничать*.

Соответствия мы находим в белорусском языке: *тыліода* ж. ‘бессмыслица, вздор; пустомеля, болтун’, *тыліодзіць* ‘болтать’ (Юрчанка 199).

В словообразовательном отношении в имени *трелюда* выделяется частица *tre-*. Эта частица проникла в восточнославянские языки из старославянского языка, где широко использовалась в именах прилагательных для передачи тройственности или высшей степени качества (*треблагий*, *тресвятый*). В русском языке эта частица представлена довольно широко в именах прилагательных и существительных: *треблагий*, *требрылый*, *треволненье*, *трегубый*, *трезувущие*, *трезубец*, *треклятый*, *трелистый*, *треногий*, *тренога*, *треугольный* и т. д. Глаголов всего три: *трезвонить*, *треножить* и *трещушить*, все они отыменные. Широко употребляясь в книжной лексике, в научной терминологии, эта частица проникла и в говоры, где мы находим собственно русские образования: *треклье*, *трехлье*, *тремелá*, *тремелюдна*, *тремышка*. *Треклье*, *трехлье* ‘старое платье, ветошь’ (олон. — Опыт, 232); *тремелá* ‘все, что угодно, без разбора, всякая всячина’ (Соликам. словарь, 638); *тремелюдна* ‘мелочь, дрянь’ (сиб. — Доп. к Опыту, 720), *тремышка* ‘промежуток’ (новгоро. — Доп. к Опыту, 720) и др.

Если мы выделяем в словах *трелюда*, *трелюдиться* частицу *tre-*, то корень слова требует объяснения. Представляется, что ближайшими родственными формами могут считаться украинские лексемы: *тройда* ‘забияка’, *тройдити* ‘раздражать, растревлять’ (Гринченко IV, 288; житом. — Паламарчук, 32); *строидитися*

‘встревожиться, затосковать’ (полтав. — Гринченко IV, 219); *наторойдти* ‘наговорить неправды или с целью настроить известным образом’ (мирг. — Гринченко II, 528).

Если мы предположим, что это единое восточнославянское образование: *trъ-juda, *trъ-juditi, то звук *l* в русском и белорусском языках следует рассматривать как результат изменения *j > l* в интервокальном положении. Случай появления *l* на месте *j* мы знаем в начале слова: *ледва* ‘едва’, *лежели* ‘ежели’ (Деулинский словарь, 270), *люшка* ‘юшка’ (Жывое слова, 45).

Праславянские лексемы *juda и *juditi отсутствуют в русском языке. Ср. болг. *юда* ‘злое мифическое существо женского пола, которое живет в горах, у озер иносится вихрем по воздуху’ (БТР), *йúда* ‘сильный ветер’ (родоп. — БД II, 176); *йúда* ‘злой дух, которым пугают детей’ (кукуш. — БД III, 326); *йúдъ* ‘клятва’ (БД V, 229), с.-хорв. *júda* ж. растение (PCA VIII, 796), укр. *юда* ‘род злого духа, нечистой силы’ (Гринченко IV, 531); с.-хорв. *júдав* ‘плаксивый, раздражительный, болезненный’ (PCA VIII, 787). Праславянский глагол *juditi представлен во всех группах славянских языков, в русском языке его нет. Семантика глагола достаточно богата, она разбивается на следующие семантические сферы: ‘манить, обманывать, искушать; наговаривать; кривляться, дразнить, надоедать’. Семантика глагола *trъjuditi очень близка к семантике глагола *juditi, хотя полного наложения мы не имеем.

Реконструируемое имя *trъ-juda означало, по-видимому, то же, что и болгарско-украинское *juda ‘злая сила’, а глагол *trъ-juditi ‘мучить, истязать, бередить рану, тревожить’. Ср. *веред* — *бередить* — *привередничать* и т. д. Время возникновения имени и глагола, по-видимому, следует отнести к древнерусской эпохе. Существование в русском языке в связанным виде глагола *juditi доказывает, что этот глагол был распространен во всех славянских языках.

каманъ

Индоевропейское этимологическое гнездо с корнем **men-* ‘думать’ очень велико. Его продолжения в славянском представлены глаголом *tъniti и производными. В русском языке это такие лексемы, как *мнить* ‘думать, считать, полагать’, *мнение* ‘суждение о чем-либо’, *мниться* ‘казаться’, *мнимый* ‘воображаемый’, *мнительный* ‘воображающий опасность там, где ее на самом деле нет’, *мнительность*; *помнить* ‘держать в памяти, не забывать’; *поминки* ‘обрядовый обед в честь умершего’, *память* ‘способность сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления’ и производные от последнего слова; *сомнение*, *сомневаться* и производные. Значительная часть этой лексики посит книжный характер и восходит к церковнославянскому языку. Русские народные говоры довольно широко сохраняют глагол *мниться*, *млиться* ‘казаться’ (вост., тул.), *мневиться* (смол.) (Даль³ II, 866).

А между тем материалы картотек и новых публикаций по диалектной лексике дают возможность несколько расширить наше представ-

ление об отражении данного гнезда в русском языке. Так, например, в картотеке «Словаря русских говоров Карелии» есть выражение *выжить из камáни* ‘выжить из ума’. Существуют тексты, которые дают широкое поле для толкования, в данном случае — это единственно возможное решение. Следовательно, слово *камáнь* может рассматриваться как имеющее значение ‘ум, рассудок’.

При анализе слова мы вынуждены предположить наличие архаичного экспрессивного префикса *ka-*. Это префикс в виде *k-, ka-, kosk-, ska-, sko-, x-, xa-, xo-* часто присоединяется к основам, начинающимся на губной согласный: *меткий → кметкий, меть → кметь, мýторно → кмýторно, мудá → комудá, манить → оскоманить, мóйка → хамбóйка*, и т. д. Если мы примем такую возможность, то слово *камáнь* должно быть расчленено на приставку **ka-* и корень **man-*.

Это слово оказывается не изолированным. Наряду с *лихоман* мы находим *злокомбн*, *злокомáн*: *злокомбн* ‘злой человек, злодей’ (арханг.—Филин 11, 290); *злокоман* ‘злой, нехороший человек, тот, кто делает что-либо во вред другим’ (олон.); Уж вы *люди-злокоманы*. Вы какую корысть-радость получили, что с милым дружком разлучили (смол. — Там же). В белорусском языке *злыкымáн* ‘вораг, чалавек, что жадае зла другому’: Мае *злыкыманы* рады, што біда пришла (Бялькевіч 184). Производные — *злокоманный*, *злокоманка*, *злокоманик* представлены как в русском, так и в белорусском языках: *злокомáнны* ‘делающий что-либо во вред другим, злой, недоброжелательный’ (олон.); ‘злорадный, вражеский’ (тамб.); *злокомáнка* ‘злодейка; эпилепсия; лихорадка’: *Злокоманкой* баба болела, ничем вылечить не могли (арх. — Филин 11, 291). В притчаниях, записанных Барсовым: «*злокоманно* их ретливое сердечушко». В белорусском языке: «*Злокоманка* схватила» — лихорадка; *злокомáнны* ‘злой, коварный’ (Носович, 209).

Важно отметить, что слово *злокомáнка* ‘лихорадка’ параллельно другому названию лихорадки — *лихомáнка*, что позволяет во второй части сложения *-комон*, *-коман*, выделить экспрессивный префикс *ко-* и корень *-мон*, *-ман*.

Семантика второй части сложения затмнена. В древнерусских текстах мы постоянно встречаем словосочетания: *замышлять зло*: ср. ст.-укр. *на лихо гадати* ‘замышлять зло на кого’ (1388 г.) *лихого мыслити* (на кого) ‘замышлять зло против кого’ (1392 г.); блр. *зламýсны* ‘злонамеренный, злоумышленный’, *ліхадýм* ‘зложелатель’.

По этой же модели образованы сложения *лихоман*, *лихорад*, *злокомон*. И, возможно, прав был Потебня, считавший, что *лихоман* ‘замышляющий зло’, а *лихорад* ‘делающий зло’¹. О персонификации *лихорада* пишет Зеленин: «В уме крестьян *лихорад* представляется каким-то одушевленным, таинственным и грозным существом, которое входит в ушибленное место (при болезни ногтоеда), произнесшего всеу его название (вроде: «Ой, чтобы тебя *лихорад* унес!», «Экой *лихорад* тут!»). От лечения припарками *лихорад* выходит из раны. Т. о. и болезнь ногтоеда называется *лихорадом*: «*Лихорад* сидит»².

Итак, такие сложения, как *лихоман* и *злокоман* могут значить 'замышляющий зло'. Реконструируемые части сложения **-man*, **-ton-*, соотносятся с глаголом **tъnēti* 'думать'.

Подтверждением нашей этимологии служит прилагательное *мбнны́й* 'задумчивый' (амур. — Филин 18, 253), что с неизбежностью предполагает существование имени **tonъ* 'дума, мысль', ср. *зло-ко-мон*.

Таким образом, мы можем предположить, что в русском языке существовали производные имена существительные, образованные от глагола **tъniti* → ***тапь* (сохранившееся в связанном виде в слове *камáнь* 'ум, рассудок'), ***тапъ* (сохранившееся в сложении *лихомáнка*) и ***tonъ* (сохранившееся в связанном виде в прилагательном *мбнны́й* и в сложении *злокомбн*) (ср. лит. *iš-monis*). Активность имен **mysly* и **duma* привели к исчезновению древних образований от глагола **tъniti*.

Интересны и некоторые другие имена существительные, сохранившиеся в связанной форме: *вмáтку* безл. предикат. 'сохраняться в памяти, помниться': Рас *вмáтку* пакуль, расскажу; Мне не *вмáтку*, я забыла (Псковский словарь 4, 59). Реконструируемое имя **tētъka* уменьшительное от **tētъ* 'память' (ср. лит. *tintis*). Ср. еще *помяткъ* мн. 'память' (псков., твер. — Доп. к Опыту, 198). На существование имени **zamētъ* указывает глагол *заметиться* 'забыть, запамятовать' (ряз. — Диттель 212)³.

Древние формы глагола **tenqti* (*sq*) (см. Machek² 370) сохранились в связанной форме в украинском глаголе *охаменýтися, схаменýтися* 'опомниться, одуматься' (харьк. — Гринченко III, 78; Гринченко IV, 235). Тот же глагол представлен и в русских донских говорах — *охаменýтися* 'опомниться'. (Донск. словарь II, 217). Ср. еще *схамяня́цца* 'спохватиться' (Расторгуев. Сев.-блр., 151). Реконструируемые формы **ob-xa-tenqti* *sq*, **sъ-xa-tenqti* *sq*. Существование экспрессивной приставки *ха-* в глаголе *охаменýться* подтверждает нашу интерпретацию слова *камáнь* 'ум'.

Глагол *намянúть* 'напомнить' записан в брянских говорах: *Т'ип'ёр* как *нам'анут* вајнú, ој стрáшна (Картотека Брянского областного словаря).

Представляют интерес следующие диалектные лексемы: *сумнítъся* 'догадаться, сообразить' (Картотека Словаря рязанской Мещеры); *мénчить* 'думать' (ряз. — Филин 18, 111), *мíнны́й* 'мнимый' (арханг. — Филин 18, 168).

Итак, в результате анализа современных диалектных материалов мы можем представить себе словообразовательно-этимологическое гнездо глагола **tъniti* (**tъnēti*) значительно богаче, чем до сих пор.

обудитъся

В картотеке новгородских говоров (Картотека Новгородского ГПИ) записан глагол *обудитъся* 'стать богатым' (Волотовский р-н). Этот глагол может быть реконструирован как **ob-uditi* *sq*.

Глагол *удить* до сих пор был зафиксирован только в олонецких говорах (в основе своей новгородских): *удить* (о зерне) 'спеть, зреть,

наливаться, толстеть, набирать тело': Жито открасовалось, *ӯдит* теперь. *Ӯдное* зерно, т. е. 'полное, крупное' (Куликовский 123, Даль³ IV, 955). Прилагательное *Ӯдный* должно быть образовано от незасвидетельствованного имени ***идъ*.

Глагол *Ӯдить* обычно сближается с индоевропейскими названиями вымени (Фасмер IV, 149).

Понятия 'урожай зерна' и 'прибыль, богатство' тесно связаны у земледельческих народов. Ср. *обилие* 'хлеб в зерне' и *изобилие* 'богатство', *пореть* 'зреть' и *спор* 'изобилие', *споринá* 'прибыль', *спорынъя* 'прибыль, избыток'.

Глагол *обӯдиться* сохраняет в связанным виде архаичную лексему.

истяблый

В «Словаре русских говоров на территории Мордовской АССР» приведено слово *истяблый* 'худой, тощий': У нас тилёнък какой-тъ *истяблый* стал, адна кожъ дъ кости; И ф каво ты такая *истяблъя?* Мать у тиба справиъ, атец тожъ, а у тиба рёбры заметиъ.. (Мордовск. словарь 2, 125).

В «Словаре русских народных говоров» такого слова нет.

Перед нами прилагательное, образованное от причастия от несохранившегося глагола ***истябнуть* 'исхудать'.

Слова того же корня, но с другим префиксом мы встречаем во владимирско-ярославских говорах. Это *отябель*, *отябленый* парень 'бесстыжий, наглец, отчаянный, окаянный' (Даль³ II, 771), *отябель* 'несуразный, нечесанный; грубый, дерзкий; плут, хитрец' (ярослав. — Мельниченко 138).

Предполагаемый глагол ***обтябать*, *обтябнуть* в свободном состоянии не отмечен. Следовательно, мы должны реконструировать и форму и значение.

Наименования непослушного, дерзкого, наглого подростка обычно образуются от глаголов со значением 'бить'. По той же модели иногда образуются и наименования ленивого.

Ср. *обой* 'все, что откололось, отбилось' (Мельниченко 127); *обой* 'упрямый человек' (Картотека Новгородского ГПИ); *обой* 'лентяй, увалень' (казан. — Булич 312); *избой* 'наглец, нахал' (твер. — Даль³ II, 17); *облом* 'бестолковый, невоспитанный подросток' (Иванова Подмоск., 238), *облом* 'никудышный человек' (Картотека Новгородского ГПИ), *облом* 'неспособный, ленивый человек' (Картотека Псковского областного словаря); *околбток*, *околбтыш*, *околбух*, *бколо́тень* и *бколо́тъ* 'много битый и отбившийся от рук' (Даль³ II, 1717). От глагола *отяпать* производное имя *отяпа об.* 'неотесанный, неуклюжий человек, болван' (Даль³ II, 2001); от глагола *отбить* — *оттой* 'отверженный, клятой; отъявленный негодяй'. От того же глагола *бтеть* ж. 'высшая степень лени; лентяй, увалень, лежебок, отбойный тунеяд' (новг., волог., арханг., сиб. — Даль³ II, 1878); *бтеть* 'отъявленная лень, безделье' (Подвысоцкий 113); *бтеть* 'окслотень' (арханг., волог. — Опыт 146); *бтеть* 'лентяй; лень' (Картотека Печорского словаря); *бтеть* 'состояние крайней

бездейственности, лени; крайне ленивый человек' (Словарь Ср. Урала III, 80); *бтеть* 'отчаянный, бойкий, проказник, хулиган' (Мельниченко 137); *бтень* 'крайне ленивый человек' (Словарь Ср. Урала III, 80), *бтень* 'очень ленивый человек' (Словарь Красноярского края, 137).

Две последних лексемы образованы от глагола *отъять* 'обсечь, обрубить' (*obteti → *obtētъ и *obtēnъ).

Можно предположить, что глагол *obtēbati, так же как и *obtēti, *obtēpati, *obbiti, *oblomati значил 'оббить, обсечь, обрубить' и производное имя *obtēbēlъ (или *obtēbelъ) значило 'околотыш' (= 'отбившийся от рук').

Что касается значений 'худой' у слова *истяблый*, то оно должно восходить к значению 'тянуть', ср. *истяжной* 'худой' (Даль 3 II, 151).

Реконструируемый на основе производных глагол *tēbti (*tēbatи, **tēbn̩tī*) должен был значить то же, что и *tēti 'рубить, бить, резать' и 'тянуть, плести' ³.

скабор

В рязанских говорах существует интересное название растения ежевики *скабор* (Картотека рязанской Мещеры). Там же зафиксированы и преобразованные названия того же растения, явившиеся результатом подстройки под устойчивую модель названий ягод — *скубарика*, *скубарника*. Ежевика, *Rubus caesius* — колючее растение. Этот устойчивый признак отражен в большинстве ее наименований, ср. *ežina, *ostrožina, *svyberina и т. д. Можно предположить, что и в данном случае мы имеем ту же модель.

Слово *skaborъ делится на корень *skab-* и суффикс *-or(ъ)*, ср. с тем же суффиксом такие праславянские лексемы, как *sox-orъ, *kos-orъ и др. (Słownik prasłowiański 2, 24—25).

Корень *skab-* наиболее последовательно представлен в белорусском и частично украинском языках в слове *скаба* 'заноза'. Для слова *skaborъ мы можем реконструировать значение корня как 'острый, колкий'; в этом случае слово значило бы 'колючка' = 'колючее растение'.

Очень близкое слово, но различающееся по категории рода, мы встречаем в лемковских говорах украинского языка *шкабора* 'щель' < *skab-ora (Гринченко IV, 498). Процесс перехода *sk* > *x* нашел свое отражение в западнославянских языках, ср. польск. *chabor* 'кость' (Варшавский словарь I, 268), чеш. диал. *chabory* 'растрапанный кочан капусты или салата' (Machek 2, 194; ЭССЯ 8, 9).

Для суффикса *-or(ъ)* очень характерна вариативность, ср. такие образования от одного корня, как *kos-orъ, *kos-erъ, *kos-ugъ, *kos-ary и т. д. Украинское гуцульское *шкабёрка* 'щепка' отражает именно этот процесс (*шкабёрка* < *skab-era, ср. *skaba 'заноза'). В кашубском языке мы находим слово *χaber* m. 'хребтовая кость' (Sychta, II, 18).

С тем же корнем, но с другим суффиксом существует в русском языке слово *скабурка* 'сидение, скамейка на салазках или на доске

для катания по льду' (псков., твер.) Фасмер считает слово неясным (Фасмер III, 630). Но это слово означает узкую дощечку, планку, ср. богато представленное в славянских языках слово того же корня, но в другой огласовке *ščebъlo (*skeb-) со значением 'доска, планка, ступенька'.

Интересен в этой связи белорусский материал, где слово *скабурка* означает застывшую корку земли: Падмерзло, то як ступіш на ралі — *скабуркі* пад нагамі крыщацца (Народная словатворческая 19). *Скабурына* 'ребро у свиней, овец' (Жывое слова 16). И тот и другой пример из говоров Гродненской области.

Очень близко по форме и значению прилагательное *скабристый* 'сильно исхудалый' (кашин). Сюда же белорусское *шкáба* 'очень худой' (Касьпярович 350), польск. *chaby* мн. 'кости, торчащие из-под кожи' (Варшавский словарь I, 268), блр. *скаба* 'ребро', *скабурына* 'ребро свиньи, овцы'. Слово *скабристый* может быть реконструировано как *skabъristъjъ. Фасмер сравнивает это слово с лтш. *skabrs* 'с занозами, острый' (Фасмер III, 690).

Итак, мы выделили следующие лексемы с корнем *skab-: *skaba 'ребро; заноза, щепка; худой; кость'; *skabura 'планка, доска; корка'; *skaburina 'ребро'; *skaborъ 'колючее растение' (*xaborъ 'кость; растрепанный кочан'), *skabora 'щель', *skabera 'щепка' (*xaberъ 'кость'), *skabrъ (или *skabъrъ) 'худой'.

Мы рассмотрели лишь часть производных от праславянского корня *skab- 'драть, чесать, колоть', ср. лит. *skobti*, *skabij* 'скрести, срывать'. Обращают на себя внимание два момента. Повторяемость семантики в разных словообразовательных вариантах: 'кость' — *skaba*, *skaberъ*, *skaborъ*, 'щепка' — *skaba*, *skabera*; 'худой' — *skaba*, *skabrъ* и т. д. Любопытно отметить, если представить картину несколько огрубленно, наличие *sk-* в русском, *šk-* в украинском и белорусском и *x-* (<*sk*) в западнославянских языках.

Специального внимания заслуживает глагол *хáбрать* 'трогать' (Картотека Словаря русских говоров Карелии). Мы видим здесь тот же корень *skab-* с интенсивом *-r-*; семантические отношения те же, что между глаголами *česati и *kosnɔti se.

говыря

Севернорусская топонимическая экспедиция записала в говорах Архангельской области слово *говыря* 'утолщение на дереве'. Соответствий этому слову в других славянских языках мы не находим. Ближайшее родственное образование — слово *гбвор* 'пузырь на воде', отмеченное во владимирских говорах и в древнерусских памятниках: *гбвор* 'пузырь на воде' (влад. — Филин 6, 255); др.-рус. *говоръ* . . . *говоръ* на водѣ погибает и память гордаго погибает по смири (Ю р. пр. XIV, 233 — Картотека СДР).

Отношения *говор* — *говыря* (может быть, из первоначального *говыръ*) напоминают отношения *kosorъ — *kosyrgъ.

Ближайшие родственные слова праславянские *gvorъ, *gura, *gyra, все к и.-е. корню *geu¹- 'гнуть' (см. ЭССЯ 7, 184).

Сюда же следует отнести псковское диалектное *гвырь* 'шишка, желвак, нарыв': *гвыръя* мн. 'нарывы на лице' (Картотека Псковского областного словаря).

Любопытно, что набор форм и значений накладывается друг на друга мозаично, иными словами, во всех апофонических вариантах повторяется одно и то же значение. Так значение 'утолщение, нарост на дереве, сук' отражено в лексемах **govyr'a*, **govorъ*, **gvorъ*, **gura*, **gyra*: ср. словен. *gorjáča* (<*gvor-*) 'узловатая, суковатая палка, дубина', с.-хорв. *gjra* 'суковатое полено, которое трудно расколоть' (PCA III, 269) ⁵.

похрад'

В лексических материалах, собранных В. Н. Никончуком в украинском Полесье, содержится любопытный пчеловодческий термин *храд'* ж. р., *póхрад'*, *páхрад'*, *póхред'*, *póхріт'* 'часть пустого пространства улья — колоды от верхнего края бокового отверстия до верху': у самой *храд'ё* пчолі; півну *пóхрад'* залож'їл'i пчолі мёдом, нема куді лопаткі вщерти (Никончук 207). Этот термин отмечен на очень компактной территории в самой северной части украинского Полесья на границе с Белоруссией. Чертой белорусского языка можно считать наличие в слове твердого *-r-*. Варианты показывают, что мы имеем дело с лексемой **xrédb*, **poxrédb*.

Эта часть улья имеет целый ряд синонимических названий в полесских говорах: *голова*, *верх*, *олек*, *ул*, *хвоз*, *схвозня*, *устёр*, *дупло*, *борт* и др.

С точки зрения семантической модели, лежащей в основе наименования, все эти лексемы делятся на четыре группы: а) 'верхняя часть' → 'верхняя часть улья': *голова*, *верх*; б) 'пустое пространство' → 'верхняя часть улья': *порожнина*, *пусте місце*, *простер*, *ул*, *дупло*; в) 'остаток' → 'верхняя часть улья': *олек* (<*отъ-lékъ*); г) 'то, что вырезано, выдолблено' → 'верхняя часть улья' (или 'весь улей'): *борт*.

Рассматриваемый нами термин относится к четвертой группе. Лексемы **xrédb*, **poxrédb*, **paxrédb* этимологически восходят к **skrédb*, к индоевропейскому корню **sker-* с расширителем *-d-* ⁶.

Развитие семантики данного слова, по-видимому, было то же, что и у слова **býrtъ* 'вырезанное, выдолбленное отверстие в дереве для добывания меда', 'полое пространство, выдолбленное в живом дереве для пчел', 'полое пространство в колодочном улье'. Возможно, что слово **xrédb* выступало как синоним слова **býrtъ*.

стуга

Среди названий топких болот, трясины на территории Украинского Полесья есть одно очень интересное — *стұга* (Никончук 52). Это слово отмечено на очень ограниченной территории — шесть пунктов, расположенных очень компактно между двумя небольшими притоками Припяти (Верхнествижские говоры Ровенской

области). Слово *стұга* в значении ‘топь, трясина’ в других славянских языках как будто бы не встречается⁷.

Но в диалектах сербохорватского языка есть слово *stuga* ‘колода, выдолбленное внутри бревно’ (Риека). Праслав. *stuga ‘колода’ восходит к и.-е. *(s)teu-g- ‘колода, ствол’, широко представленному в германских и кельтских языках (ср. др.-в.-нем., ср.-в.-нем. *stoc* ‘палка, бревно’, англосакс. *stocc* ‘ствол, пень’ и др., Рокоргну, 1302).

О переносе значений ‘выдолбленная колода’ → ‘источник, огражденный колодой’ → ‘болото с источниками’ писал О. Н. Трубачев⁸.

Если эта этимология верна, то слово *стуга* ‘топь, трясина’ является еще одним соответствием, связывающим украинское Полесье с говорами сербохорватского языка.

Существование в Полесье лексемы *стуга* ‘топь, трясина’ (м. б. ‘болото, богатое источниками’) позволяет предположить еще одну гипотезу о происхождении названия реки *Стугна*, притока Днепра⁹.

Предложенная этимология не исключает другой возможности интерпретации слова *стуга*, рассмотрения его как продолжения праславянского *sъtoga. В этом случае значение ‘топь, трясина’ может быть вторичным по отношению к значению ‘зарастающий, затягивающийся водоем’.

глебезд

В шестом выпуске «Этимологического словаря славянских языков» есть статья *glebezdъ (ЭССЯ 6, 118), основанная только на русском ономастическом материале.

В основе статьи лежит имя собственное, вернее прозвище, *Глебезд*: Иван Глебезд, рыболов, 1585 г., Псков (Веселовский. Ономастикои, 79). Фамилия, образованная от данного прозвища, записана почти столетием ранее: *Родивоникъ Глебездовъ*, крестьянин, 1495 (Писц. I, 620 — Тупиков, 572). От фамилии образованы названия двух деревень: д. на р. Яхрома б. Дмитровского уезда Московской губернии, д. на о. Перово б. Тверской губернии (Russ. geograph. Namensbuch II, 361).

В статье нет реконструкции значения. О. Н. Трубачев пишет: «Несколько. По-видимому, ступень чередования к *globa» (ЭССЯ 6, 118).

Дополнительные диалектные материалы позволяют несколько расширить данную статью.

Следует учесть, что наряду с очень распространенным в славянских языках процессом появления *g*-протетического перед плавными¹⁰, имеются случаи и утраты этимологического *g* перед *n* и *l*. См. приводимые в статье И. П. Петлевой примеры: укр. *лазбк* ‘металлическое грузило на сетях’ = *глазки* мн. ‘железные грузила у невода’, укр.-блр. (полесск.) *лухыj* ‘глухой’, рус. диал. *лýза* ‘большой ком вспаханной земли’ и *глýза* ‘ком, кусок, глыба’. Ср. еще *лоббт* ‘частая сеть’ (Филин 17, 97) при *глоббт* то же, *лоббк* ‘кусок руды’ при *глоб* ‘ком’.

Для слова *глебезд* мы обнаруживаем вариант в костромских говорах: *лебез* ‘гвоздь’ (Филин 16, 302).

Слова **globъ* и **globa*, относящиеся к тому же этимологическому гнезду, имеют значение ‘клип’, ‘железный клип’, ‘затычка’. Ср. укр. черниг. *глоба* ‘железный клип’, лемк. *глоббк* ‘клинышек, забиваемый между косовищем и железным кольцом, охватывающим косу и косовище’ (Гринченко I, 290), закарп. *глоббк* ‘клинышок’ (Чучка 314). По-видимому, сюда же относится рус. волог. *лобовик* ‘клинья для бревен, по которым барка спускается в воду’ (Филин 17, 96) < **globovikъ*. См. еще болг. родоп. *лдбур* (< **globurъ*) ‘толстое полено, палец’ (БД V, 186) и словен. *glab* ‘затычка’ (Bezlaj I, 143).

От имени **globъ* ‘клип’ образован глагол **globiti* ‘забивать клинья’, представленный в украинском, польском, чешском и словацком языках. См. польск. *globić* ‘вбивать клип’ (одно из значений глагола), укр. *глобити* ‘укреплять клиньями вал в мельнице, конопатить’ (Гринченко I, 290); вост.-словац. *hlobic*, *zahlobic* ‘укреплять клиньями’. О данном глаголе как инновации определенного ареала пишет И. О. Дзенцелевский¹¹.

Можно высказать предположение, что и рус. (*г)лебез(д)* обозначало ‘гвоздь; клип’.

С большей степенью осторожности можно привлечь к данному этимологическому гнезду слово *лебезá* ‘тупое долото, пробойка или конопатка’ (Даль³ II, 624). В «Словаре русских народных говоров» дается следующее определение слову *лебезá*: ‘особого рода железная лопаточка, с помощью которого конопатят лодки и суда’ (волж., костром., новг., волог.), ‘тупое долото, с помощью которого конопатят стены’ (твер., перм.), ‘приспособление для пробивания дыр и заколачивания деревянных клиньев при устройстве мельничных жерновов’ (перм.) (Филин 16, 302); *лебезá* ‘маленькая железная лопатка, употребляемая для конопачения’ (Мордов. словарь, К—Л, 118), *лебезá* ‘род тупого ножа для конопачения’ (А. Ворон. приказ. избы оп. 3, № 876, № 1. 1699 г. — СлРЯ XI—XVII вв., 8, 183).

Слово *лебезá* имеет вариант *лебездá* в ярославских говорах (Филин 16, 303). Ср. имя собственное — князь Василий Глебович *Лебезда* Засекин, середина XVI в. (Веселовский. Ономастикон, 178).

Слово *лебезá* уже подвергалось этимологизации. В. Даль считал его тождественным слову *лебезá* ‘подлиза, подхалим’, видя в названии инструмента образ: везде пролезет (Даль³ II, 624). М. Фасмер вслед за Торбьернссоном, связывает слово *лебеза* со словом *лобозина* ‘хворостина, палка’ (Фасмер II, 471). Тернквиист видит в этом слове заимствование из голл. *rabyser*, *rabatijzer* или **rabijzer* («Slav. rev». 32, № 78, 1953, 143 и след.).

Стоит обратить внимание на семантическую связь слов *лебезá* ‘инструмент для конопачения; инструмент для вбивания клиньев’ и глагола **globiti* ‘вбивать клинья; конопатить’.

Таким образом, мы реконструируем две лексемы **glebez(d)ъ* ‘клип; гвоздь’ и **glebez(d)a* ‘инструмент для вбивания клиньев, для конопачения’. Оба слова словообразительно производны от рекон-

стрируемого глагола *glebtī 'долбить' (ЭССЯ 6, 133), так же как и *globa, *globъ 'клин'.

Ср. с тем же значением, что и *(g)lebeza, польск. globidło (Варшавский словарь I, 842).

Примечания

- ¹ Потебня А. А. Этимологические заметки. — РФВ VII. Варшава, 1886, 68.
- ² Зеленин Д. К. Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губ. — Сб. ОРЯС, 76, 82.
- ³ О праслав. *zatętъ см.: Трубачев О. Н. Рец. на кн.: Български етимологичен речник, св. VIII. София, 1971. — В кн.: Этимология 1972. М., 1974, 178—180.
- ⁴ Меркулова В. А. И.-е. *ten- 'тянуть, натягивать, плести' в славянских языках. — В кн.: Этимология 1975. М., 1977, 52—64.
- ⁵ О сербохорватском гворило см.: Петлеся И. П. Этимологические заметки по славянской лексике III. — В кн.: Этимология 1973. М., 1975, 47—49.
- ⁶ Меркулова В. А. Украинские этимологии. I. — В кн.: Этимология 1973. М., 1975, 55—58.
- ⁷ О полесском стубла см.: Меркулова В. А. Восточнославянские этимологии I. — В кн.: Этимология 1979. М., 1981, 8—9.
- ⁸ Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, 224—225.
- ⁹ Название реки Стугна имеет несколько этимологий. М. Фасмер связывает Стугну с глаголом стыгнуть 'стынуть' (Фасмер II, 786), К. Мошинский — с праслав. *sъtъga 'лента' или с украинским глаголом стуgniti 'грешить' (Moszyński K. Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego. Kraków, 1957, 177—178). Но ср. названия рек Колода, Колодна, Кринична, Криниця (Словник гідронімів України. Київ, 1979, 263, 289—291).
- ¹⁰ Петлеся И. П. К вопросу о g-протетическом в славянских языках. — В кн.: Этимология 1976. М., 1978, 51—55.
- ¹¹ Дзендерівський Й. О. Українсько-західнослов'янські лексичні паралелі. Київ, 1969, 41.

Т. В. Горячева

К ЭТИМОЛОГИИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

В статье анализируются восточнославянские метеорологические термины, зафиксированные в каком-либо одном говоре, языке. Почти все они еще не этимологизировались, и этимология их затруднена. Поэтому представляется правомерным указание для каждого слова нескольких этимологических версий. Возможно, при дальнейшем исследовании рассматриваемых слов какие-то из версий отпадут совсем, а какие-то получат дополнительное подтверждение.

вётля

Название гололедицы *вётля* записано в брянских говорах составителями Брянского областного словаря с таким объяснением информанта: «*вётля* — морозить, дошть и слизка» (Брянск. словарь II, 50), и приведено в статье О. Б. Кукушкиной с замечанием, что эти-